

© Н.А. Лейбова, У.Б. Гадиев

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ ПО
ДАНЫМ ОДОНТОЛОГИИ***

Несмотря на довольно подробную изученность населения Кавказа в антропологическом отношении, до сих пор остаются народы, представления об антропологическом своеобразии которых страдают неполнотой. В их числе один из древнейших автохтонных народов Кавказа – ингуши. Настоящая работа представляет новый материал по одонтологии средневековых ингушей, собранный в 2017 году в ходе экспедиционного выезда в Джейрахский и Сунженский районы Республики Ингушетия. В Джейрахском районе работы проводились в склеповых комплексах XV–XVIII вв. Таргим, Эгикал, Цори, Салги, в Сунженском – в склепах у селения Мужган. Изученная нами по одонтологической программе краниологическая серия средневековых ингушей может быть охарактеризована как относящаяся к западному кругу одонтокомплексов. В его пределах серия относится не к грацильным формам, как большинство современных групп Кавказа, а к матуризованному варианту, имеющему глубокие корни на Кавказе. Полученные характеристики в очередной раз демонстрируют определенную консервативность и стабильность зубной системы, долгие других антропологических систем сохраняющую черты предковых групп в своей морфологии

Ключевые слова: *физическая антропология, одонтология, Кавказ, ингуши, вайнахи, южный грацильный тип*

Ингуши (самоназвание ɠalɠaj) – один из древнейших автохтонных народов Кавказа. Ингушский язык относится к нахской группе нахско-дагестанских языков кавказской языковой семьи наряду с чеченским и бацбийским. Численность ингушей в Российской Федерации составляет 445 тыс., из них 385 тыс. живут в Республике Ингушетия (Ингуши 2013).

Лейбова Наталья Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nsuvorova@mail.ru. **Natalya A. Leibova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nsuvorova@mail.ru

Гадиев Умалат Бесланович – зам.директора ГКУ Археологического центра им. Е.И. Крупнова (Республика Ингушетия) (г. Назрань, ул. Московская 5). Эл.почта: umalat06@list.ru. **Umalat B. Gadiev** – GKU Archaeological Center named after E.I. Krupnova (Republic of Ingushetia, Nazran, ul. Moscow 5). E-mail: umalat06@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11 Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России, 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии»

При том, что антропология современного населения Кавказа в целом изучена довольно подробно, в том числе на уровне этнотерриториальных групп и локальных популяций, материалы по антропологии ингушей до сих пор остаются малочисленными и представляют собой, как правило, дисперсные выборки, собранные в г. Назрани (*Герасимова, Хитъ* 2013: 37).

Наши представления об одонтологическом своеобразии ингушей базируются на данных двух дисперсных выборок современного населения и одной краниологической серии XIV–XVIII вв. Впервые материал по одонтологии ингушей был получен в 1971 году Р.С. Кочиевым в рамках его масштабного исследования современных этнических групп Кавказа на территории Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана, Чечни, Северной и Южной Осетии, предпринятого с целью получения общих представлений о размахе вариаций и территориальной изменчивости частот основных одонтологических фенотипов в регионе. Ингуши – 52 мальчика и 52 девочки – были обследованы им в г. Назрань (*Кочиев* 1979).

Начиная с 1979 г. активную работу по сбору нового одонтологического материала на Северном Кавказе и в Закавказье и обработке уже имеющегося, ведет В.Ф. Кашибадзе. В ее обобщающей работе по одонтологии древнего и современного населения Кавказа содержатся данные, собранные в 1972 году опять же в г. Назрани (всего 48 человек) и сборной краниологической серии ингушей позднефеодального периода (XIV–XVIII вв.), насчитывающей 41 череп без нижних челюстей, место сбора которых неизвестно (*Кашибадзе* 2006).

Представленный в настоящем сообщении материал был получен в 2017 году в ходе экспедиционного выезда в Джейрахский и Сунженский районы Республики Ингушетия. В Джейрахском районе работы проводились в склеповых комплексах XV–XVIII вв. – Таргим, Эгикал, Цори, Салги, в Сунженском – в склепах у селения Мужган. Все они приурочены к бассейну р. Ассы. Работы по изучению склепов горной Ингушетии осуществлялись в рамках проекта Президиума РАН и при финансовой поддержке мэра Назрани Тумгоева Алихана Магомедовича.

Склепы горной Ингушетии известны широкой научной общественности начиная со второй половины XIX века. С тех пор разработана типология и периодизация этих объектов, основанная как на археологическом материале, включая и нумизматические находки, так и на архитектурном анализе (*Крупнов* 2008: 110–112). В последние годы хронология склепов горной Ингушетии частично обоснована и дендрохронологическими и радиоуглеродными исследованиями, однако это касается только позднесредневековых, т.н. наземных или “солнечных” склепов (по-ингушски “малхар-кашмаш”) (*Гадиев, Мацковский* 2018: 429–431).

Средневековые ингушские склепы – исключительно коллективные гробницы. В них можно видеть от нескольких десятков до нескольких сотен усопших. Встречаются подземные, полуподземные и наземные склепы, в своих формах демонстрирующие эволюционно-хронологический ряд. Подземные склепы датируются XI–XIV вв., полуподземные – второй половиной XIII–XV вв., и, наконец, наземные – XV–XVIII вв. (*История Ингушетии* 2011: 130).

Склепы являлись фамильной собственностью ингушей. В исключительных случаях один и тот же склеп мог принадлежать двум фамилиям. Тогда представителей одной фамилии хоронили внизу (или в нижнем этаже), представителей другой – сверху. В целом, обычай хоронить в склепах членов одной фамилии строго со-

блюдался. Если умирал заезжий человек, тело его увозили в родное селение, даже если для этого требовалось ехать несколько дней. При похоронах двое мужчин влезали в склеп и втаскивали туда покойника (Семенов 1963: 75). До принятия ислама основной частью ингушей (XVII–XVIII вв.) умершего обычно хоронили через три или четыре дня после его смерти, с окончательным внедрением мусульманства этот обычай изменился (*Сборник сведений...* 1870: 30). Причинами значительного числа погребений в склепах могли быть различные эпидемические болезни. О них, в частности, во второй половине XIX века сообщал ингушский этнограф Ч. Ахриев. Он писал, что между ингушами всегда свирепствовали эпидемические болезни, вроде чумы, от которой однажды вымерла половина населения. Об этой чуме в народе сохранилось свежее предание: «Люди тогда в страхе разбегались и некому было хоронить умиравших. Поэтому заболевшие...отправлялись умирать в каши (склепы) иногда целыми семьями» (Ахриев 2000: 184). Этнограф во многих склепах зафиксировал люльки с детскими скелетами, а подле них – женские скелеты.

Сбор краниологического материала производился нами без нарушения культурного слоя. Для краниометрического изучения оказались пригодны 56 черепов (36 мужских и 20 женских). Предварительные результаты анализа краниологических особенностей полученной серии представлены в работе С.Ю. Фризена и У.Б. Гадиева в настоящем номере. Одонтологическое обследование производилось на черепках из этих же склепов, однако, как это обычно и бывает в случае работы с ископаемым материалом, краниологическая и одонтологическая выборки не идентичны. У большинства целых черепов, составивших основу краниологической выборки, зубы были либо утрачены, либо сильно стертые и на них невозможно было зафиксировать большинство признаков одонтологической программы. В состав одонтологической выборки вошли данные, полученные при изучении черепов детей и подростков, которые не всегда изучаются краниологически. Помимо того, что серия является сборной, содержащей мате-

Рис. 1. Один из склепов комплекса Эгикал. Внутренний вид камеры (фото Н.А. Лейбовой).

риалы из 5 склепов, сложность ее состава усиливается еще и тем обстоятельством, что изученные нами черепа и нижние челюсти являются по сути сбором неоднократно потревоженных и разрозненных останков (Рис. 1).

По этой причине в склепе Эгикал нам оказались доступны для изучения только черепа без нижних челюстей. В других склепах изучались изолированные нижние челюсти, к которым не удавалось подобрать череп, хотя нередко были ситуация, когда мы имели возможность описать морфологию и верхней, и нижней челюсти одного индивида. В итоге, суммарное число изученных индивидов – 67 (Цори – 8 индивидов, Эгикал – 25 (все без нижних челюстей), Таргим – 9, Салги – 9, Мужган – 16).

Настоящая работа построена на анализе следующих одонтоскопических признаков: лопатообразная форма верхних резцов, редукция верхних латеральных резцов, бугорок Карабелли на M^1 , форма M^2 по Дальбергу, число бугорков и тип узора коронки M_{1-3} , *tami*, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригонида M_1 , межкорневой затёк эмали на верхних и нижних молярах. Из традиционной палеодонтологической программы мы были вынуждены исключить такие признаки, как диастема I^1 – I^1 , краудинг I^2 , непрерывный косой гребень M^1 . Связано это с сохранностью материала. Перечень фенотипов, которые регистрировались в бланке, намного шире, однако по многим из них число наблюдений оказалось столь малым, что мы сочли нецелесообразным их рассматривать на данном этапе. Работы по сбору материала будут продолжены в ближайшем будущем, и мы надеемся, что увеличение объема выборки позволит нам расширить и перечень анализируемых признаков.

Исследование выполнено в рамках методической системы А.А. Зубова (Зубов 1968, 1973, 2006; Зубов, Халдеева 1993). В ходе этой работы также пришлось отойти от правила подсчёта частот признака по правой стороне: в случае отсутствия правого зуба, признак оценивался на зубе-антимере.

Частоты важнейших одонтологических признаков в исследованной нами краниологической серии из склепов горной Ингушетии не выходят за пределы их вариации на территории Кавказа. Одонтологический комплекс средневековых ингушей, безусловно, характеризуется как западный. На это указывает отсутствие лопатообразных форм верхних медиальных резцов, единичный случай лопатообразности латеральных (табл. 1).

Ни разу не были встречены шестибугорковые формы коронки первых или вторых нижних моляров. Однако, даже в такой незначительной по объему выборке, были зафиксированы дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре. Уже в первой работе по одонтологии населения Кавказа, Р.С. Кочиев обратил внимание на то, что значения именно этих фенотипов восточной ориентации зачастую слегка повышены (в масштабе западного одонтологического ствола) и объяснил это не проникновением монголоидных элементов, а сохранением пережитков древнего пласта, скорее австрало-веддоидного, т.е. восточного в широком смысле, но не монголоидного. Повышение частоты встречаемости бугорка *tami* в некоторых группах Кавказа трактуется в этом же направлении. У средневековых ингушей в 8,0% наблюдений он встречается.

На нашем материале не зафиксированы высокие баллы редукции верхнего латерального резца, однако тенденция к его редукции в серии выражена вполне отчетливо, на что указывает частота встречаемости балла 1 (18,2%). Вторые верхние моляры в серии довольно массивные: трехбугорковые формы встречаются только в 21,4%

случаев. Не менее массивны и первые нижние моляры: из 27 наблюдений только в одном случае была зафиксирована 4-х бугорковая форма коронки. Вторые моляры, напротив, весьма грацильны: показатель встречаемости четырехбугорковых моляров – 79,2%, и при этом в нашей серии дважды описаны трехбугорковые формы (8,3%).

Таблица 1

Одонтологическая характеристика групп средневековых и современных ингушей

Автор	Ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв.		Ингуши XIV–XVIII вв.		Ингуши с. Назрань		Ингуши с. Назрань	
	Лейбова Н.А.		Кашибалде В.Ф., 2006		Кочиев Р.С., 1979		Кашибалде В.Ф., 2006	
Признаки	n/N	%	N	%	N	%	N	%
Лопатообразность I ¹ (2+3)	0/10	0,0	2	0,0	103	0,97	55	9,1
Лопатообразность I ² (2+3)	1/10	10,0	4	25,0	103	0,97	49	4,1
Редукция I ² (1)	2/11	18,2	8	37,5	103	16,5	59	25,4
Редукция I ² (2+3)	0/11	0,0	8	0,0	103	2,92	59	6,8
Бугорок Карабелли M ¹ (2–5)	21/31	67,7	27	29,6	104	19,18	33	51,6
Бугорок Карабелли M ¹ (3–5)	18/31	58,1	27	18,5	104	3,78	33	33,4
Форма M ² по Дальбергу (Σ 3+,3)	9/42	21,4	40	12,5	101	51,85	32	25,0
Число бугорков M ₁ : 6	0/27	0,0	–	–	103	1,94	38	5,3
Число бугорков M ₁ : 4	1/27	3,7	–	–	103	8,63	38	21,0
Число бугорков M ₂ : 4	19/24	79,2	–	–	103	96,05	36	91,7
Число бугорков M ₂ : 3	2/24	8,3	–	–	103	0,97	36	0,0
Узор коронки M ₁ : Y	20/22	90,9	–	–	–	–	35	80,0
Узор коронки M ₁ : X	2/22	9,1	–	–	–	–	35	8,6

Таблица 1 (окончание)

	Ингуши горной Ингуше- тии XV– XVIII вв.		Ингуши XIV– XVIII вв.		Ингуши с. Назрань		Ингуши с. Назрань	
Автор	Лейбова Н.А.		Кашибадзе В.Ф., 2006		Кочнев Р.С., 1979		Кашибадзе В.Ф., 2006	
Узор коронки M ₁ : +	0/22	0,0	–	–	–	–	35	11,4
Узор коронки M ₂ : Y	8/20	40,0	–	–	–	–	31	9,7
Узор коронки M ₂ : X	12/20	60,0	–	–	–	–	31	45,2
Узор коронки M ₂ : +	0/20	0,0	–	–	–	–	31	45,2
Tam ₁ M ₁	2/25	8,0	–	–	102	3,92	48	0,0
Дистальный гребень тригонида M ₁	1/18	5,6	–	–	103	3,88	42	4,8
Коленчатая складка метаконида M ₁	2/15	13,3	–	–	103	8,73	43	7,0
МКЗЭ M ² (5–6)	8/29	27,6	53	17,0	–	–	–	–
МКЗЭ M ₂ (5–6)	2/16	12,5	–	–	–	–	–	–
1eo (3)	1/10	10,0	15	13,3	–	–	40	32,5
2 med (II)	1/11	9,1	–	–	90	31,1	38	26,3

Яркой особенностью изученной серии является высокая частота встречаемости бугорка Карабелли на первом верхнем моляре – 67,7%. Даже при исключении из подсчета бугорков, степень развития которых оценивается баллом 2 и диагностика которых вызывает определенные затруднения, значение этого показателя остается высоким (58,1%). Для эпохи средневековья на территории Кавказа такая частота встречаемости признака рассматривается как своего рода архаизм, пережитки комплекса, характерного для древнего населения Кавказа эпохи бронзы (Кашибадзе 2006: 76).

Чтобы полнее оценить одонтологическое своеобразие средневековых ингушей, изученных нами, рассмотрим их на фоне других выборок с территории Кавказа. С этой целью нами был осуществлен многомерный анализ (*Correspondence analysis*). Для получения самой общей картины, на первом этапе анализа рассмотрим средневековых ингушей горной Ингушетии на фоне суммарных групп различных современных народов кавказского региона, изученных, главным образом, В.Ф. Кашибадзе (Кашибадзе 2006). Сравнение осуществлялось по следующим десяти признакам: лопатообразная форма верхних медиальных резцов (shov I¹), бугорок Карабелли на M¹ (cara M¹), фор-

ма M^2 по Дальбергу ($Hu3+$, 3), шестибугорковые первые нижние моляры (M_16), четырехбугорковые первые и вторые (M_{14} и M_{24}), *tami*, коленчатая складка метаконида (*dw*), дистальный гребень тригонида (*dtc*) M_1 , вариант II второй борозды метаконида ($2med(II)$). С первым и вторым векторами в сумме связано 58,9 % варибельности анализируемых признаков. Расположение анализируемых популяций в пространстве первых двух измерений очень показательно: серия средневековых ингушей занимает изолированное положение как по отношению ко всему массиву кавказских групп, так и по отношению к современным ингушам и чеченцам (Рис. 2).

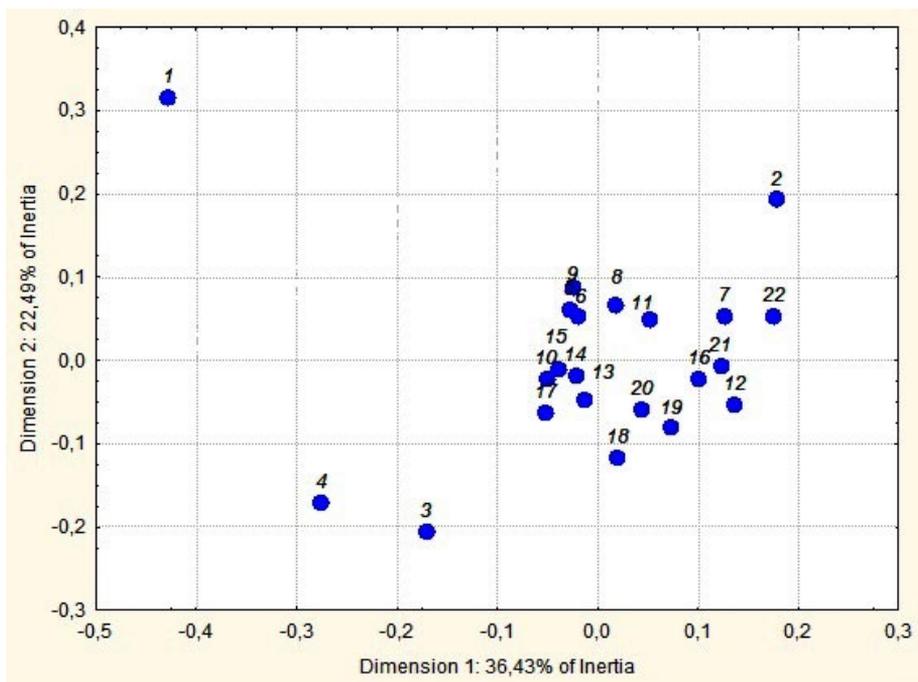

Рис. 2. Взаимное расположение серии ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и современных народов Кавказа (Correspondence analysis) 1 – ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2 – ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3 – ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006), 4 – чеченцы, 5 – карталинцы, 6 – кахетинцы, 7 – горные гр. в. Грузии, 8 – месхи, 9 – джавахи, 10 – имеретины, 11 – мегрелы, 12 – гурийцы, 13 – аджарцы, 14 – рачинцы, 15 – сваны, 16 – абхазы, 17 – армяне, 18 – адыгейцы, 19 – кабардинцы, 20 – осетины, 21 – азербайджанцы, 22 – дагестанцы. Группы 3–22 по: Кашибадзе 2006

Картина, которую мы видим на графике, в общих чертах совпадает с тенденциями, выявленными В.Ф. Кашибадзе, несмотря на различия в числе и наборе анализируемых признаков (Кашибадзе 2006: 135). Однако, как несложно заметить, все периферийные, обособившиеся группы – это сравнительно малочисленные серии, в то время как остальные – суммарные серии, значительные по численности.

Для исключения влияния фактора численности анализируемых групп на результаты анализа, рассмотрим серию средневековых ингушей на фоне территориальных выборок современных народов. На этом этапе анализа ограничимся территорией Северного Кавказа и в качестве сравнительного фона привлечем данные по территориальным группам осетин, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев.

Несмотря на изменившийся состав выборок и масштаб сравнения, положение ингушских групп на поле графика осталось прежним и средневековые ингуши горной Ингушетии все так же обособлены от остальных (Рис. 3).

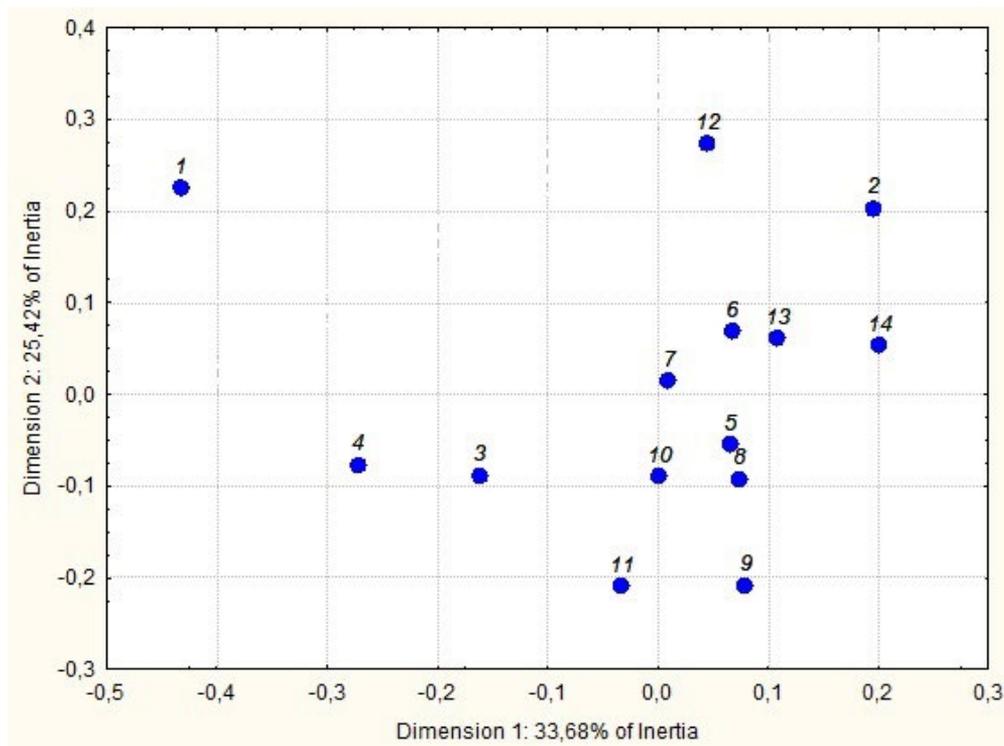

Рис. 3. Взаимное расположение серии ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и территориальных групп современных народов Северного Кавказа (Correspondence analysis)

1- ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2- ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3- ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006), 4- чеченцы, 5- осетины Цхинвальского р-на, 6- осетины Джавского р-на, 7- осетины Ирафского р-на, 8- осетины Гизельдонского р-на, 9- адыгейцы Красногвардейского р-на, 10- адыгейцы Шовгеновского р-на, 11- кабардинцы Красногвардейского р-на, 12- карачаевцы Карачаевского р-на, 13- балкарцы Эльбрусского р-на, 14- кабардинцы Чегемского р-на.

Группы 3–14: Кашибадзе 2006.

Это означает, что для средневековых ингушей характерен иной одонтологический комплекс, нежели для современных народов Северного Кавказа, в том числе и для современных ингушей и чеченцев.

В поисках аналогий этому комплексу, привлечем для сравнения данные по древнему населению Кавказа: от эпохи бронзы и до средневековья. Набор признаков, по которым производилось сопоставление, отличается от предшествующих этапов анализа – в него не вошли *tami* и вариант II впадения второй борозды метаконида. Вектор 1, отражающий 29,57% вариабельности признаков (инерции), дифференцирует группы по степени выраженности восточного компонента, на что указывают высокие нагрузки на такие признаки как коленчатая складка метаконида (*dw*), дистальный гребень тригонида (*dtc*), шестибугорковые первые нижние моляры (M_16) и лопатообразные медиальные резцы (*shov I'*) (рис. 4а).

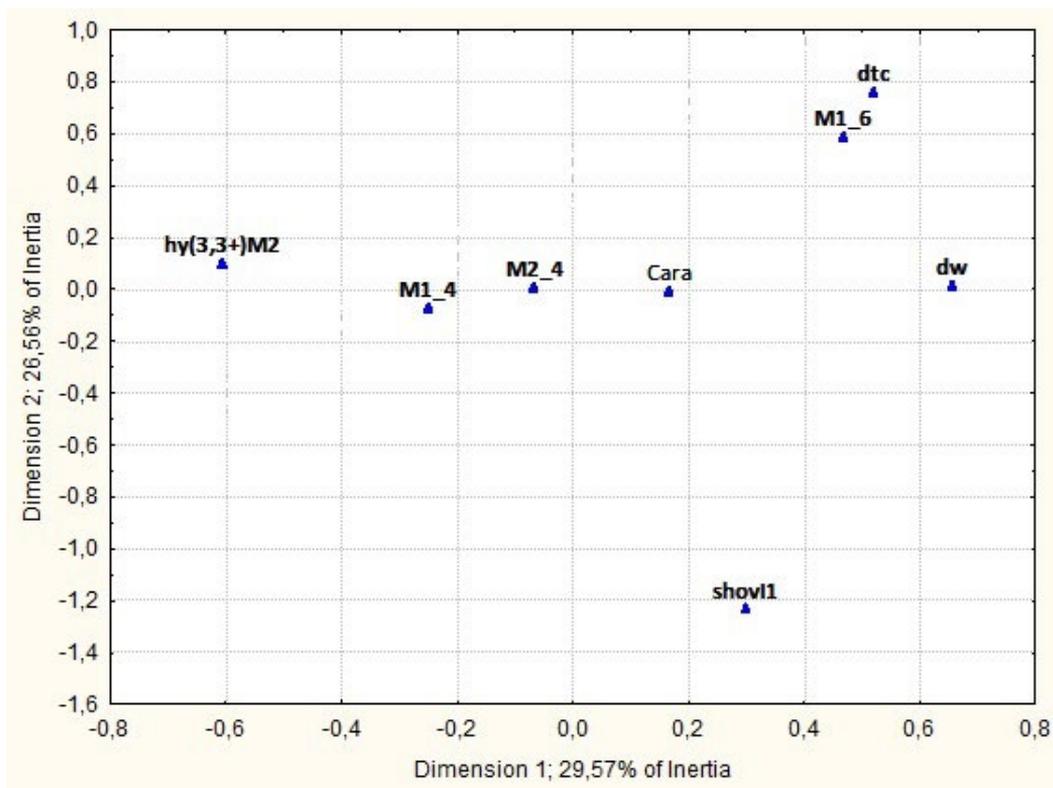

Рис. 4 а. Результаты анализа соответствия (Correspondence analysis) 8 одонтологических признаков в пространстве 1 и 2 измерений.

Высокие отрицательные нагрузки по этому вектору демонстрируют признаки редуцированного комплекса – четырехбугорковые M_1 и, в еще большей степени, редуцированные формы гипоконуса на вторых верхних молярах (Ну 3, 3+ M^2), то есть они маркируют матуризованный комплекс. Второй вектор, отражающий вариабельность признаков, соизмеримую по величине с первым, противопоставляет группы с высокими частотами разных восточных маркеров: лопатообразности медиальных резцов, с одной стороны, и дистального гребня тригониды с шестибугорковыми первыми нижними молярами, с другой. При этом все остальные показатели расположились в зоне нулевых значений вектора. Среди представленных групп выборки средневековых ингушей из склепов горной Ингушетии и современные ингуши, изученные В.Ф. Кашибадзе, занимают практически центральное место на графике. Они оказались в окружении серий эпохи бронзы с территории Восточной Грузии (суммарная серия, сформированная из материалов Муракеби, Ваисцкали, Чалианхеви, Февреби, Ничбисисхеви и Гулгула) (Кашибадзе 2006: 61), суммарной серии с территории Армении (включает Лчашен, Артик и Анунк) и собственно серии Лчашен (рис. 4б).

Для населения эпохи бронзы территории Кавказа, по наблюдениям В.Ф. Кашибадзе, был характерен матуризованный вариант с низкой степенью редукции гипоконуса вторых верхних моляров (не выше 34,2%), неожиданно высокие или повышенные частоты бугорка Карабелли (38–71%), коленчатой складки метакониды (14–22%) и дистального гребня тригониды (до 15,4%) (Кашибадзе 2006: 63). Этот комплекс мы

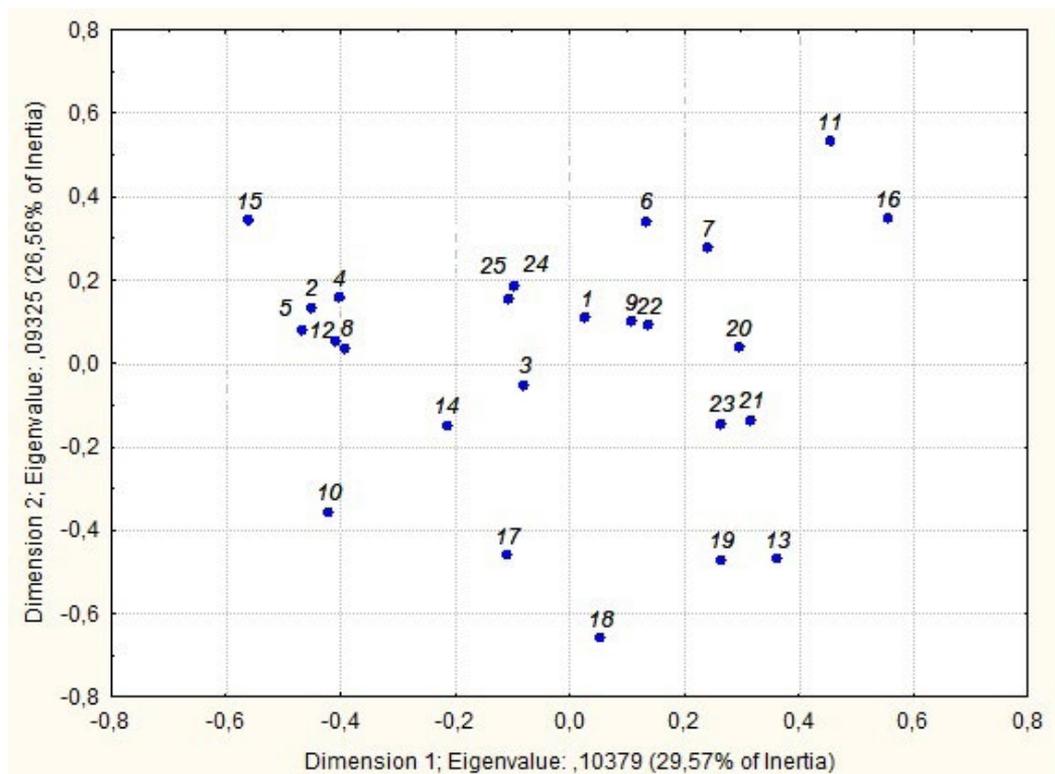

Рис. 4 б. Результаты анализа соответствия (Correspondence analysis) серий современных ингушей, ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и серий древнего населения Кавказа 1 – ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2 – ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3 – ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006); 4–5: позднефеодальный период, XIV–XVIII вв. (4 – Рустави, 5 – Сиони); 6–10: среднефеодальный период, XI–XIII вв. (6 – Жинвали, 7 – Аджария, 8 – Шатили, 9 – Адыгея, 10 – Мухета); 11–14, 17: раннефеодальный период, IV–X вв. (11 – Жинвали, 12 – Самтавро, 13 – Мухета 1, 14 – Мухета суммарно, 17 – Брут 1, 2); 15–16: античный период, III в. до н.э. – III в.н.э. (15 – Заманкул, 16 – Беслан); 18–25: поздняя бронза, XV–XII вв. до н.э. (18 – Дигоми, 19 – Церовани, 20 – Самтавро, 21 – Мухета суммарно, 22 – Восточная Грузия суммарно, 23 – Грузия суммарно, 24 – Лчашен, 25 – Армения суммарно). Группы 3–14, 18–25: Кашибадзе 2006; 15–17: Герасимова и др. 2008.

отчетливо наблюдаем в нашей серии ингушей из средневековых горных склепов. При этом уровень грацилизации нижних моляров, особенно первых, у средневековых ингушей даже ниже, чем в сериях эпохи бронзы, на втором – сопоставим с древними сериями. Все эти наблюдения позволяют сделать заключение о сохранении у средневекового населения горной Ингушетии древнего, архаичного комплекса, характерного для населения Кавказа эпохи бронзы, в частности, на территории Восточной Грузии. Очевидно, труднодоступность горных ущелий, отсутствие миграций, способствовали консервации этих элементов. У современных ингушей, проживающих на территории Назранского района, специфичность одонтологического комплекса в определенной мере сохранилась, однако процесс грацилизации нижних моляров у них продвинулся существенно дальше. На графиках, представляющих результаты многомерного

анализа современных групп Кавказа, они в равной степени дистанцируются как от основного массива кавказских народов, так и от средневековых ингушей, демонстрируя близость лишь с чеченцами. Возникает вопрос о причинах такой удаленности по признакам одонтологии современных ингушей от средневековых с территории Горной Ингушетии. Возможно, ряд исторических событий XIX в., когда начались наиболее активные миграции ингушей на равнину в связи с подписанием в 1810 г. «Акта присяги шести ингушских фамилий с Россией» (Анчабадзе, Волкова 1993), привели к трансформации антропологического типа по крайней мере той части ингушей, что проживает в предгорье. Еще одной причиной таких преобразований могли стать изменения в составе населения, связанные с широким распространением среди ингушей эпидемий, в том числе чумы, о чем уже писалось выше.

Известно, что у ингушей каждый род имел боевую башню и однофамильцы хоронили умерших в одном склепе (Ингуши 2013: 150). В связи с этим интересно проанализировать материал из горных склепов на предмет встречаемости редких морфологических вариантов в строении зубов и зубочелюстной системы, которые рассматриваются исследователями как «маркеры родства». Однако такие редкие морфы были отмечены в единичных случаях. В склепе из комплекса Мужган у двух индивидов зафиксирован центральный бугорок на первых нижних молярах, в Эгикале – ротация (разворот зуба в альвеоле на 45° и 90°) верхних премоляров у трех индивидов из 25.

Таким образом, изученная нами по одонтологической программе краниологическая серия средневековых ингушей может быть охарактеризована как относящаяся к западному кругу одонтокомплексов. В его пределах серия относится не к грацильным формам, как большинство современных групп Кавказа, а к матуризованному варианту, уходящему своими корнями к населению эпохи бронзы на Кавказе.

Научная литература

- Албогачиева М.С.-Г., Мартазанов А.М., Соловьева Л.Т. (отв. ред.) Ингуши / Сер. «Народы и Культуры». М.: Наука, 2013.
- Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Ахриев Ч.Э. Избранное. Назрань, 2000.
- Гадиев У.Б., Мацковский В.В. Датировки памятников архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX “Крупновские чтения”. Карачаевск: 2018. С. 429–431.
- Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. Исследование палеоантропологических материалов раннего средневековья из Северной Осетии в связи с происхождением алан // Вестник антропологии. Вып. 16. 2008. С. 84–99.
- Герасимова М.М., Хитъ Г.Л. Историко-антропологические сведения // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева / Сер. «Народы и Культуры». М.: Наука, 2013. С. 37–45.
- Долгиева М.Б., Картоев М.М., Кодзоев Н.Д., Матиев Т.Х. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Магас: 2011.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006.

- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
- Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.
- Кочиев Р.С. Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР / отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 114–140.
- Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия / 2-е издание. Магас: Сердало, 2008.
- Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис: 1870.
- Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963.

References

- Akhriev, Ch.E. 2000. *Izbrannoe* [Favorites]. Nazran'.
- Albogachieva, M.S.-G., Martazanov, A.M., Solov'eva, L.T. ed. 2013. *Ingushi* [Ingush]. Moscow: Nauka.
- Anchabadze, Iu.D. and N.G. Volkova. 1993. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza XVI–XIX veka* [Ethnic History of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
- Dolgjeva, M.B., M.M. Kartoev, N.D. Kodzoev, and T.Kh. Matiev. 2011. *Istoriia Ingushetii* [History of Ingushetia], edited by N.D. Kodzoev. Magas.
- Gadiev, U.B., V.V. Matskovskii. 2018. Datirovki pamiatnikov arkhitektury gornoj Ingushetii metodom radiouglerodnogo analiza [Dating architecture monuments of mountain Ingushetia by the method of radiocarbon analysis]. In *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XXX "Krupnovskie chteniia", 429–431. Karachaevsk.
- Gerasimova, M.M., G.L. Khit'. 2013. Istoriko-antropologicheskie svedeniia [Historical and anthropological information]. In *Ingushi*, edited by M.S.-G. Albogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solovieva, 37–45. Moscow: Nauka.
- Gerasimova, M.M., N.A. Suvorova, and S.Iu. Frizen. 2008. Issledovanie paleoantropologicheskikh materialov rannego srednevekov'ia iz Severnoi Osetii v svyazi s proiskhozhdeniem alan [Study of paleoanthropological materials of the early Middle Ages from North Ossetia in connection with the origin of the Alans]. In *Vestnik antropologii* 16: 84–99.
- Kashibadze, V.F. 2006. *Kavkaz v antroipoistoricheskom prostranstve Evrazii. Odontologicheskoe issledovanie* [Caucasus in the anthropohistorical space of Eurasia]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo IuNTs RAN.
- Kochiev, R.S. 1979. Zakavkaz'e i Severnyi Kavkaz [Transcaucasia and the North Caucasus]. In *Etnicheskaia odontologiia SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], edited by A.A. Zubov, N.I. Khaldeeva, 114–140. Moscow: Nauka.
- Krupnov, E.I. 2008. *Srednevekovaia Ingushetiia* [Medieval Ingushetia], 2-e izdanie. Magas: Serdalo.
- Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vol. III*. 1870. [Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. III]. Tiflis.
- Semenov, L.P. 1963. *Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniia v Ingushetii v 1925–1932 godakh* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushetia in 1925–1932]. Grozny: Checheno-Ingush. Bk. Izdatel'stvo.
- Zubov, A.A. 1968. *Odontologiia: Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Odontology: Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [Manual for anthropological analysis of odontological materials]. Moscow: ETNO-ONLAIN.
- Zubov, A.A., and N.I. Khaldeeva, 1993. *Odontologiia v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 1973. *Etnicheskaia odontologiia* [Ethnic odontology]. Moscow: Nauka.

Lejbova, Natalya A., and Umalat B. Gadiev. The Medieval Population of Mountainous Ingushetia According to Odontological Data

Although population of the Caucasus has been studied in a rather detailed way, there are peoples whose anthropological portrait is still incomplete. Among them are the Ingush, one of the oldest autochthonous peoples of the Caucasus. This work presents new material on the dental anthropology of medieval Ingush, collected in 2017 during expeditions to the Jairakh and Sunzhen districts of the Republic of Ingushetia. In the Jairakh district, the investigations were carried out in the crypt complexes of the 15th–18th centuries – Targim, Agikal, Tsori, Salgi, and in Sunzhen region - in crypts near the village of Muzgan. The craniological series of medieval Ingush studied according to the dental anthropology program can be described as belonging to the western range of odontological complexes. Unlike most modern Caucasian groups, it does not belong to gracile forms, but rather to a maturized odontological variant, which has deep roots in the Caucasus. The results once again demonstrate a certain conservatism and stability of the dental system, which preserves morphological traits of ancestral groups longer than other anthropological systems

Key words: *physical anthropology, dental anthropology, Caucasus, Ingush, Vainakhs, southern gracile type*